

ЦЕНА МУЗЕЙНОГО ПРЕДМЕТА. ПОЛЕВАЯ РАБОТА И СБОР КОЛЛЕКЦИЙ НА ФИЛИППИНАХ

Когда в делах — я от веселия прячусь;
Когда дурачиться — дурачусь;
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников¹ — я не из их числа.

А.С. Грибоедов

Цена коллекции, закупленной в поле для музея профессиональным этнографом, всегда ниже, чем полученной из других источников. Научная же ценность ее, за редчайшими исключениями (например, покупка прекрасно документированной старинной коллекции из другого музея, которая будет стоить за пределами денег) — всегда выше.

Речь пойдет не столько о том, что стоит музею предмет, представленный на закупочную комиссию (хотя и об этом тоже), сколько о том, чего он стоит собирателю. Иными словами, из чего складывается закупочная цена предмета и какую цену (в том числе и нематериальную) приходится платить этнографу-полевика, если он совмещает свое полевое исследование с массовой закупкой экспонатов для музея.

В нашей области такое совмещение встречается нечасто, что не удивительно. Те же, кто пытался «смешивать два эти ремесла», редко делятся своим опытом в печати [Арсеньев 2002]. Обсуждение представляется полезным, поскольку собирательство чревато ограничениями и потерями для научной работы как в поле, так и по возвращении из экспедиции. Это часть методики полевой работы, не только обеспечение, но и обучение которой у нас поныне составляет желать много лучшего².

Кунсткамера — в первую очередь научно-исследовательский центр РАН. При советской власти мы назывались институтом и у нас официально не было музея, сейчас наоборот. Однако нас не должно волновать, как в силу внешних причин наше учреждение в данный момент называется. Просветительскую роль наш музей/институт/музей выполнял всегда и не собирается от нее отказываться, однако в область культурного сервиса мы, я уверена, никогда не перейдем. Коллекции в таком академическом центре, как Кунсткамера, играют роль материальной библиотеки или, если угодно, собрания словарей. Библиотека (словарный фонд), перестав покупать книги, мертвец. То же с фондами: собирательство не может прекратиться.

В последние годы Кунсткамера переживает возрождение в самых разных областях: возникают интересные конференции, «Антропологический форум» —

¹ Вариант — «охотников».

² Благодарю Н.В. Ушакова, поделившегося со мной своими методиками полевой документации, что очень помогли мне в работе с коллекциями.

всеми уважаемый журнал, реабилитированы этнолингвистика и текстология, выходят серьезные книги (в том числе и в нашем издательстве, которое много и все более качественно работает), к нам переходят прекрасные сотрудники из других академических учреждений, появилась надежная молодежь. Ситуация с полевой работой и новыми поступлениями также существенно улучшилась. Однако не настолько, чтобы иметь возможность целенаправленно выезжать в поле именно для закупки коллекций. МАЭ еще не по средствам, как, скажем, это делает осацкий музей Минпаку, командировать специалиста на Филиппины специально для закупки предметов для временной выставки. Минпаку не только обеспечивает исполнителя оплатой всех его расходов и существенным заработком впридачу, но и расходует очень большие дополнительные средства на профессиональную упаковку и транспортировку предметов.

В приведенном примере крупнейший знаток горской культуры лингвист Лоренс Рид договорился о закупке содержимого целой бонтокской кухни: старой и новой утвари, украшений, свидетельств проведенных ритуалов — рогов принесенных в жертву буйволов и др. В Минпаку кухня была воссоздана полностью, с очагом и настоящими, правильно нарубленными (точнее, расклиненными) дровами, привезенными из Гинаанга (деревня в муниципалитете Бонток). Хозяйка же данной кухни, вдова покойного language helper, с которым д-р Рид работал с 1950-х годов, на вырученные деньги восстановила проданное, в чем я могла убедиться год назад, когда по приглашению д-ра Рида приехала в Гинаанг, где закупила коллекции для МАЭ. Прожившему не одно десятилетие в этой деревне д-ру Риду, который сейчас работает над второй редакцией своего в высшей степени этнографического бонтокско-английского словаря, не составило особого труда выбрать из него статьи с терминами и подробным описанием соответствующих предметов. Список был представлен местному агенту, который оформил продажу, после чего был нанят специальный транспорт, доставивший коллекцию в Национальный Музей в Маниле. Собиратель уплатил за разрешение на вывоз и за транспортировку, и на этом его труды в поле закончились: остальное обеспечила очень дорогая, но надежная транспортная компания «Asian Tigers», постоянно работающая с Национальным музеем Филиппин.

У нас собирательство всегда совмещается с полевой работой, что немало ее затрудняет, даже если просто привозишь несколько «накопившихся» за полевой сезон предметов. Дело осложняется стократ, если перед этнографом, выезжающим в экспедицию в одиночку, ставится задача целенаправленно закупить десятки или даже сотни экспонатов, чтобы заполнить зияющие лакуны в собрании музея. Во-первых, нужно добраться до тех мест, где необходимые музею предметы бытуют и, желательно, производятся. Далее нужно разобраться в отличиях (или их отсутствии) данной традиции — скажем, плетения утвари из бамбука — от аналогичной в соседней долине, выяснить источники сырья, собрать терминологию, найти старые образцы и уговорить владельцев с ними расстаться, найти мастера и закупить весь спектр образцов, которые он делает (желательно в разных стадиях изготовления), сразу же в поле описать, пронумеровать, сфотографировать, упаковать, донести на себе до ближайшей дороги, довести сначала в районный центр, а затем в столицу. В столице нужен некий склад, в котором уже собранные коллекции будут храниться (желательно, чтобы их термиты не

сьели), пока вы едете назад, на другой конец архипелага, чтобы собрать аналогичную серию в долине, соседствующей с первой. О том, чтобы нанять машину, которая довезет предметы в Манилу, и думать нечего — это резко сократит количество предметов, которые можно купить на выделенные деньги. Кочевать с объемным грузом по горам невозможно не только физически, но и потому, что, явившись навьюченным, вы в глазах жителей деревни резонно превращаетесь в скупщика, что поднимает цены до небес и лишает возможности человеческого и профессионального контакта. Не говоря уже о том, что в горском доме поклажу просто некуда поместить. Поэтому собиратель едет со всем грузом в обычном автобусе, благо на Филиппинах люди честные, можно не беспокоиться, что коробки с коллекциями во время ночного рейса украдут из автобуса на одной из многочисленных остановок.

Совершив несколько таких рейсов и исчерпав выделенный на покупку экспонатов лимит, нужно провести закупленные предметы через официальные процедуры музейного и таможенного оформления на вывоз, снова упаковать, разделить на группы: эти можно послать почтой, другие — самолетом как отдельно идущий груз, третьи провезти в личном багаже, а самые ценные и хрупкие — буквально не выпускать из рук все время перелета (в случае Филиппин это около 18 часов). Вернувшись домой, пройти через муки получения грузов и посылки¹, затем переформировать коллекции с учетом того, что не пропустила таможня, разбилось при пересылке и т.д., получить в отделе учета новые временные номера вместо временных полевых, составить опись, внести в КАМИС, представить на закупочную комиссию, отчитаться в бухгалтерии, снять временные и уже в третий раз приклеить, пришить и т.д. постоянные номера... Тут уж, если у вас нет армии помощников, нужно воистину быть искусником и, главное, охотником.

Охота пуще неволи. О том, что заставляет меня заниматься собирательством и о критериях сбора я уже писала в статье, посвященной привезенным в последние годы коллекциям [Станюкович 2007]. Замечу здесь только, что филиппинисту отказываться от возможности пополнить фонды — больший грех, чем слависту, специалисту по финно-уграм или даже китаисту. Дело даже не в том, что филиппинский фонд не пополнялся с 1930-х годов. Этнографы перечисленных специальностей могут, даже не выезжая из города, ознакомиться с сотнями, тысячами коллекционных предметов в других музеях Санкт-Петербурга, познакомиться с коллегами из РЭМа, Эрмитажа, Института востоковедения, почитать книги, которые библиотеки собирали сотнями лет. Ни филиппинских коллекций, ни этнографов-филиппинистов, ни этнографической литературы по филиппинистике за пределами Кунсткамеры нет. Насколько мне известно, помимо МАЭ РАН филиппинские предметы (числом четыре штуки) есть только в Этнографическом кабинете-музее им. Н.Н. Чебоксарова московского Института

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить студентов филиппинского отделения восточного факультета СПбГУ В.Н. Соколову и С.Б. Клименко, которые помогли мне с отправкой коллекций из Манилы весной 2008 г., а также зам. директора МАЭ по хозяйственным вопросам А.А. Мельникова, оказавшего неоценимую помощь при получении коллекций в Санкт-Петербурге.

этнологии и антропологии, да и те не собраны в поле, а куплены посольской поварихой на другом конце света в сувенирной лавке¹. Таким образом, кунсткамерский опыт полевых сборов филиппинских этнографических коллекций для России уникален.

Итак, из чего складывается закупочная цена предмета?

В тех случаях, когда предмет сам по себе недорогой, но тяжелый, объемный или хрупкий, до 90 % его цены могут составлять расходы на его транспортировку. Чем больше расстояние от места, где «живет» предмет, до музейного хранилища, тем выше транспортная составляющая его закупочной цены. Это прекрасно понимают люди практические, поэтому цена почти идентичных предметов, купленных в деревне, в райцентре, в столице, в Европе и в Интернете, повышается на порядок при прохождении каждой указанной ступени.

Естественно, на цену влияет степень редкости и ритуальной значимости предмета. Часто подобный предмет купить просто невозможно, но можно получить в дар за немотивированные на первый взгляд траты, которые могут окупиться, а могут и нет. Собирателю следует напрашиваться на лечение к шаману/костоправу, вносить свой вклад в общинный ритуал (например, в виде покупки жертвенного животного), покупать всем лекарства во время эпидемий, оплачивать поездку к врачу упавшему со скалы ребенку. Ну и, конечно, делать это с чистой душой, не ожидая немедленной отплаты. Материальное воздаяние в виде какого-нибудь редкостного экспоната может вообще не придти или придти через несколько лет, скажем, от родственника вылеченного когда-то мальчика.

Дорого обходится предмет, который ищешь для комплекта. Я всегда стараюсь закупать предметы сериями. Скажем, у одного горского народа существует три вида домотканых похоронных накидок-саванов. Саваны двух видов я купила, а третьего (для самых бедных, низшего ранга) купить никак не удается. Поношенных саванов, понятно, не бывает. Уровень жизни повысился, и даже бедняки, заготавливая «смертную справку» на будущее, не желают довольствоваться нищенскими накидками. Ткачи перестают их ткать. С большим трудом мне удалось отыскать такой саван для беднейших, владелица с ним расстаться не хотела. Можно было бы заказать такой саван, но ехать к ткачихе в другую дальнюю горскую деревню, где их еще иногда делают, было далеко, к тому же ждать, когда он будет готов, я не могла. Все-таки я уговорила владелицу продать саван и заказать себе новый, однако в результате он обошелся мне в весьма значительную сумму, куда большую, чем саваны для покойников среднего и высшего ранга.

В другой коллекции, привезенной из той же поездки 2008 г., есть серия саванов соседнего горского народа, отличающихся по цветовой гамме и способу

¹ Это два сувенирных комплекта, в каждый входят массивная вилка и ложка из ценных пород дерева (ложка № 80–11, вилка № 80–12, ложка № 80–13, вилка № 80–14). Ручки орнаментированы резьбой, в одном комплекте в виде стилизованных человеческих фигур. Дар Н.П. Бондаренко, повара советского посольства, куплены ею в Сомали в начале 1970-х годов. Благодарю сотрудницу кабинета-музея Христину Турьинскую, любезно сообщившую мне эти сведения.

тканья. Однако один из видов таких похоронных накидок практически буквально повторяет тот тип савана, который я с таким трудом добыла. Здесь этот вид используется для зажиточного покойника, бедняка хоронят в другом. К тому же данная горская этническая группа издавна покупает саваны на равнине, где их ткнут специально для них. Равнинная ткачиха занимается своим ремеслом профессионально, не от случая к случаю, производство и продажа налажены через местный горский кооператив, товар представлен в изобилии, цены умеренные. Так в двух коллекциях, привезенных одним и тем же собирателем из одной экспедиции, появляются два почти идентичных предмета, цена которых резко различается.

Я — сторонница работы в одиночку: так больше слышишь, видишь и понимаешь. Однако при сборе коллекций вне своей полевой зоны бывает необходимо нанять помощника. На Филиппинах больше ста языков. Я могу объясниться на тагальском (государственном) и на языке ифугао. Когда идешь на территорию, где не говорят ни на одном из них, ни на английском, нужен проводник — для сбора терминов и сведений о предметах.

На цену влияет степень риска, с которым связана покупка предмета. Например, в 2006 г. я привезла прекрасный ксилофон с о. Тави-Тави (это его я держала всю поездку на руках). Купила я его на о. Палаван от эпического сказителя, который приехал по просьбе французской филиппинистки Николь Ревель, чтобы выступить перед участниками конференции по австронезийским языкам. Если бы не эта счастливая случайность, не видать было бы Кунсткамере ксилофона. О. Палаван для приезжих небезопасен, но гораздо менее, чем о. Тави-Тави, где захват европейцев в заложники ради выкупа практикуется весьма широко. Я занимаюсь горами севера архипелага и готова принимать риски в Ифугао, где я давно работаю, но не поехала бы рисковать на мусульманский юг, хотя там, возможно, ксилофон стоил бы дешевле. Впрочем, мне повезло: цена была бы много выше, если бы эпический певец, во-первых, не делал ксилофоны сам и, во-вторых, не был обременен поклажей на пути домой, что отчасти склонило его к мысли расстаться с громоздким хрупким инструментом.

На цену влияют приводящие обстоятельства. Та же Николь Ревель, специалистка по Палавану, в 1995 г. приехала навестить меня в провинцию Ифугао. Находясь вне своего привычного полевого региона и на положении гостьи, она из лучших побуждений несколько раз платила за услуги несоразмерно много. После ее отъезда на меня обрушился шквал просьб о значительных суммах, совершенно неподъемных для моего скромного бюджета.

Последний пример позволяет перейти к обсуждению того, какую цену полевой работник платит за собирательство. В 1995 г., когда я восемь месяцев жила на хуторе Бангавван (пр. Ифугао, Северный Лусон), я почти ничего специально не покупала. Маленькая коллекция, привезенная из этой длительной экспедиции, образовалась как бы сама собой путем обмена, взаимных даров и т.д. Хорошо помня блокаду, наступившую после приезда моей коллеги, и постепенную меркантилизацию моих отношений с илоканцами, бонтоками и жителями других провинций, где в последующих экспедициях я закупала вещи для музея, я и по сей день ничего на моем хуторе и в близлежащих деревнях не покупаю.

Не следует думать, что это свойство филиппинцев. Подозрительное отношение к человеку покупающему/продающему в той же мере свойственно нашей культуре. Средняя закупочная цена привозимых мной с Филиппин коллекций, по моим наблюдениям, значительно уступает (несмотря на дальнюю дорогу) цене коллекционных предметов, привезенных, условно говоря, из Архангельска, но я порой чувствую, что внушаю подозрение — не наживается ли она? Чего ради она так мучается, не может быть, чтобы... Это — одна из неприятнейших сторон собирательской деятельности.

Другая сторона, о которой нельзя не упомянуть, — время. Коллекции отнимают массу времени и в поле, и по возвращении. В последние мои полевые сезоны сбор коллекций отнял у меня больше половины, в 2006 г., когда я привезла 516 предметов — три четверти экспедиционного времени. Сбор коллекций резко уменьшает возможности моей полевой работы с эпическими сказителями ифугао. Обработка коллекций и отчеты по возвращении съедают больше времени, чем сама экспедиция, и сопряжены с массой неудобств и потерь. В их числе неудобства чисто пространственные — где разложишь такую массу вещей? Вечно виновата перед коллегами, которым негде повернуться в кабинете. Научные — нет времени на собственную плановую работу, на написание полевых отчетов, расшифровку записей эпоса и бесед со сказителями. Иногда не успеваешь закончить описать прошлый привоз, как пора ехать в следующую экспедицию.

Однако достижений все же больше, чем потерь. Помимо альтруистических соображений пользы для науки и будущего музея собиратель имеет и выигрышные моменты «для себя», в том числе и в поле. В 1995 г., впервые попав в экспедицию к ифугао, все восемь месяцев я почти не выходила за территорию провинции. Филиппины — фантастически богатый конгломерат языков и культур, которые я так бы и не узнала, полностью поглощенная нескончаемой работой с ифугаоскими шаманами и сказителями, если бы не сбор коллекций для Кунсткамеры. Он дает мне моральное право выезжать в другие регионы архипелага, что, в свою очередь, помогает видеть новыми глазами ифугаоскую культуру. Близкое знакомство с процессом производства и с самими вещами, каждая из которых в буквальном смысле проходит через руки собирателя десятки раз, не только раскрывает новое в старых коллекциях, но и одаривает пониманием ранее темных метафор в эпическом тексте (этот процесс прекрасно описан на этноботаническо-философском примере в статье Я.В. Василькова [Васильков 2006], дает новые ключи к ритуальной символической. Но только соберешься ею поподробней заняться — опять приходит время ехать в экспедицию. Может, в следующий раз обойтись без собирательства?

Библиография

Арсеньев В.Р. Культуры принигерской саванны. Принципы этнографического коллекционирования // *Ethnologica Africana*. Памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. М., 2002. С. 316–346.

Васильков Я.В. Загадки текстов и ответы «поля»: как извлечь стебель из травы мунджа? // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб., 2007. С. 22–27.

Станюкович М.В. Новые поступления по Филиппинам: критерии сбора и состав коллекций № 7161 и № 7315. // Культура и быт австронезийских народов: Сб. МАЭ / Отв. ред. П.Л. Белков, Е.В. Ревуненкова. 2007. Т. LIII. С. 237–298.

О.Б. Степанова

СОВРЕМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КРАСНОСЕЛЬКУПСКОМ РАЙОНЕ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная публикация имеет своей целью дать описание современного хозяйственного положения малочисленных народов Красноселькупского района Тюменской области в 2007–2008 гг. по материалам, собранным по время экспедиционной поездки 2008 г., а также сравнить их с ранее уже опубликованными материалами аналогичных экспедиций в тот же район 2004 и 2005 гг. [Степанова 2004, 2005]. Напомним, что Красноселькупский район — один из национальных районов Ямало-Ненецкого автономного округа. Отличительная его черта — относительно высокий удельный вес в общей численности населения представителей малочисленных народов Севера. Наш интерес к Красноселькупскому району связан с тем, что, во-первых, он является основной территорией расселения северных селькупов, в значительной степени сохранивших свой язык и традиционную культуру. Во-вторых, с начала 2000-х годов в жизни его коренных жителей, поставленных кризисом 1990-х годов на грань физического выживания, начался период возрождения, и мы стараемся следить за происходящими здесь положительными изменениями.

Из малочисленных коренных народов Севера кроме селькупов в районе проживают также ненцы, ханты, манси, эвенки и кеты. Численность народов Севера за последние годы почти не изменилась:

Точкой отсчета «новой жизни» для коренных жителей района стало начало 1990-х, закончивших с «советским пансионом». «Люди привыкли сдавать добычу в совхоз, за которую получали честно заработанные деньги. Вдруг все закончилось. Труд коренного населения стал невостребованным. Аборигены из-за невостребованности просто массово спивались. Средняя продолжительность жизни коренных северян упала тогда до 34 лет. Это было хуже чумы. Смутное перестроечное безвременье едва окончательно не угрозило не вписавшимся в рыночную эпоху малочисленные народы. Совхозы развалились. На главном своем исконном занятии — оленеводстве — местное население практически поставило крест. Из-за страшной безработицы в поселках стали пить еще больше. Топливом, лодочными моторами, патронами, как прежде, их обеспечивать перестали. Доходило до того, что летом нельзя было заготавливать рыбу, так как с «большой земли» рыбакам не завозили соль. А больше они ничего делать